

В этой жизни Цэнь Сяо в постели вёл себя куда сдержаннее, чем прежде. Но Ли Жун, чья жажда мести наконец нашла выход, выплёскивал остатки накопившейся энергии через физическую усталость, а потому был на редкость раскрепощён.

Всё закончилось бесстыдным, дерзким и изнурительным хаосом, оставившим обоих без сил.

Когда Цэнь Сяо отнёс Ли Жуна в ванную, чтобы смыть следы их близости, он уже понимал: завтрашняя поездка в «Universal Studios» определённо не состоится — у юноши просто подкашивались ноги.

Глаза Ли Жуна повлажнели, щёки покраснелись от горячего пара. Он погрузился в воду по самый нос, и лишь его блестящие глаза внимательно следили за Цэнь Сяо. Тот устроился напротив — им обоим требовался отдых.

Спустя какое-то время Ли Жун приподнялся, опираясь на колени; густая пена лишь наполовину скрывала двусмысленные отметины на его теле.

— Как думаешь, — серьёзно спросил он, — мы с тобой сейчас... всё ещё больны? Ну, в психологическом плане.

В прошлой жизни оба они были истерзаны — и физически, и душевно. Но ни один из них так и не обратился к врачу.

Признать наличие психологической травмы непросто, особенно для таких сильных натур. Но даже если бы они признались, годы жизни в вечной боевой готовности не позволили бы им обнажить свои слабости перед чужим человеком, пусть даже и специалистом.

Они разучились доверять. И в «Хунсо», и в «Ланьшу» опасность подстерегала на каждом шагу, а враги и союзники менялись местами слишком быстро. К тому же тогда львиную долю сил они тратили на противостояние друг другу.

После перерождения Ли Жуна поддерживала лишь цель — месть. Он сохранял остроту ума и поразительную энергию, будучи слишком занят делом, чтобы вспоминать о старых шрамах.

Но сегодня он вдруг осознал: каждый раз, делая шаг к цели, он нуждается в запредельной стимуляции и даже лёгкой боли, чтобы уравновесить охватившее его ликование. Это не было нормальным. Раньше он таким не был.

Но это походило на курение: сперва хватает одной сигареты, но постепенно зависимость растёт, и требуется всё больше. В прошлой жизни он мог с бесстрастным лицом полоснуть себя по руке и даже не вздрогнуть от боли — и сейчас он чувствовал, что способен на то же самое.

Тень безумия с течением времени просочилась в его кровь. Ли Жун чувствовал, что никакое лечение не вернёт его к прежнему состоянию. Впрочем, нынешний он не был плох — просто он слишком сильно отличался от того идеального образа, который хотели видеть в нём родители.

Цэнь Сяо открыл глаза и принялся лениво разминать голень Ли Жуна под водой.

— Хочешь показаться врачу?

Ли Жун помедлил, а затем закинул ногу на колено Цэнь Сяо.

— Не хочу. Но Чжай Нин ведь говорила тебе сходить к психиатру, верно?

Цэнь Сяо зачерпнул пригоршню тёплой воды, омывая плечи юноши.

— В нашем нынешнем состоянии нет ничего дурного, — тихо ответил он. — К тому же сейчас не время. Ни ты, ни я не можем позволить себе потерять хватку и перестать внушать страх.

Хань Цзян всё ещё не повержен, Ду Минли жадно следит за каждым их шагом, а сам Цэнь Сяо пока лишь капитан, а не начальник отряда «Призрачный глаз».

Ли Жун же ждёт, когда исследовательский институт «Хунсо» возобновит работу над «Люйиньсюй». Тогда к нему, как к сыну Ли Цинли и Гу Нун, будет приковано всё внимание прессы. Это станет идеальным моментом, чтобы укрепить репутацию и окончательно вычистить всех застарелых паразитов из академических кругов.

Фигура такого масштаба — элита отрасли, «идеальная жертва» — не может быть человеком с нестабильной психикой и букетом расстройств.

Ли Жун усмехнулся и, разогнав пену, подплыл к Цэнь Сяо. Он сел к нему на колени и иронично заметил:

— Знай я заранее, что получу шанс «перезагрузиться», сходил бы к врачу ещё в прошлой жизни. Хотя бы рецепты на нужные таблетки узнал.

Цэнь Сяо обхватил его за талию и, в шутку размазывая пену по его груди, полусерьёзно добавил:

— Твоё перерождение было случайностью, а моё — нет. Прежде чем принять решение, я привёл все дела в порядок.

Белоснежная пена медленно сползала с ключиц юноши к груди. Он вздрогнул от щекотки.

— Ты... в своём репертуаре.

Ли Жун уже догадывался, что Цэнь Сяо, скорее всего, сам выбрал путь к смерти. Каким бы жестоким ни казался этот вывод, он был ближе всего к истине. Ду Минли, хоть и подстроил всё, был слишком хитёр и наверняка вышел сухим из воды. Даже самое тщательное расследование не смогло бы пришить ему обвинение в заказе убийства. А значит, Ду Минли остался бы жив.

Если Цэнь Сяо хотел мести, он должен был заставить врага заплатить ту же цену. А ещё Цэнь Сяо никогда бы не позволил себе стать узником. Смерть была единственным выходом, который он спланировал заранее.

Цэнь Сяо коснулся влажных губ Ли Жуна мимолётным поцелуем.

— У моей матери есть подруга-диетолог, у неё ещё был диплом психотерапевта. Когда... тебя не стало, она заметила, что со мной что-то не так. Знала, что в больницу я не пойду, и посоветовала несколько препаратов. Но я не стал их пить.

Ли Жун несильно, но ощутимо хлопнул его по груди.

— Дурак. По-моему, ты и зашёл так далеко только потому, что был болен.

Цэнь Сяо глубоко усмехнулся и притянул собеседника ближе. Под водой их тела соприкасались почти вплотную.

— Люди — это сложные механизмы, созданные природой. Мы кичимся своим разумом, но на деле мы пугающе хрупки. Крошечная таблетка может с лёгкостью заблокировать любую человеческую эмоцию. А я не хотел терять то, что чувствовал.

Из-за влияния Сяо Мужань он с детства пил горький коктейль из чувств к Ли Жуну. Долгое время он и сам не понимал, чего в нём больше: ненависти к тому, кто получил недоступную ему родительскую любовь, или же восхищения этой прекрасной, стойкой, пылающей душой.

И когда он наконец перестал искать причины, перестал подавлять свою натуру и по-настоящему захотел идти плечом к плечу, отдавая всего себя ради искренней радости и открытой любви... когда он решил доверить ему своё сердце — они убили его.

Они убили Ли Жуна в тот самый миг, когда Цэнь Сяо окончательно осознал свою любовь.

Он не мог позволить себе забыть эту боль. Она была последним, что оставил ему Ли Жун. Настоящая смерть — это забвение. Пусть даже весь мир забыл бы Ли Жуна, Цэнь Сяо — никогда.

Юноша всё понял. Его глаза повлажнели, но плакать в такой двусмысленной позе было бы нелепо. Он рассмеялся, но сквозь смех всё же прорвались слёзы, смывая остатки пены с лица.

— Псих, — прошептал он.

Кто вообще планирует собственную смерть? Этот человек был куда безжалостнее его самого. Ли Жун шмыгнул носом, стараясь сохранять хладнокровие:

— Но я не верю, что твой IQ ниже, чем у Ду Минли. Если он смог выйти сухим из воды, то и ты бы смог. Зачем было...

«Неужели только ради того, чтобы ощутить триумф, расправившись с ним лично? — Ли Жун вспомнил то бешеное биение сердца, когда он вонзил нож в шею Хуан Байкана. — Но в критический момент он умел сдерживаться, а Цэнь Сяо был ещё более хладнокровным. Он не мог просто поддаться импульсу и поставить на кон свою жизнь»

Цэнь Сяо перебирал мокрые волосы Ли Жуна.

— Да так, ничего особенного. Просто к тому моменту, как я докопался до истины, прошло полгода после твоего ухода. Я начал планировать месть, прорабатывал десятки безупречных схем... Пока однажды вдруг не понял, что не могу вспомнить, сколько кубиков сахара ты обычно кладёшь в кофе.

Ли Жун замер, приоткрыв рот и не сводя с него взгляда. Кажется, он понял, к чему клонит Цэнь Сяо. Время — самая беспощадная вещь на свете. Даже без лекарств оно постепенно притупляет остроту чувств. Никто не властен над законами природы: чтобы мозг усвоил что-то новое, он должен отпустить старое.

Сначала исчезают мелочи. Какой крепости кофе он пил, какого цвета тапочки носил, какая заставка была на его телефоне в школе, какие словечки он любил использовать... Эти детали гаснут одна за другой вслед за самим человеком.

А затем забывается и нечто более важное.

Цэнь Сяо наконец смог признаться вслух:

— Я не мог вынести мысли о том, что забуду о тебе хоть что-то.

Осознание того, что память предаст его, было куда невыносимее самой потери. И тогда он решил догнать его на том свете.

— Глупец, — тихо выругался Ли Жун и, порывисто обняв Цэнь Сяо, уткнулся лицом в его шею.

Пена колыхалась в такт волнам, словно нежные руки, убаюкивающие израненную душу. В ту ночь Ли Жун был на редкость ласковым. Подобно коту, пришедшему греться на тёплый ковёр, он крепко прижимался к Цэнь Сяо, и они со спокойной совестью позволили двум билетам в «Universal Studios» пропасть.

В конце апреля в городе А заметно потеплело. После месяца непрекращающихся протестов и давления со стороны интернет-пользователей исследовательский институт «Хунсо» наконец объявил о возобновлении проекта «Люйиньсюй».

Сеть взорвалась ликованием.

«Наконец-то! У этих бедных детей появился шанс!»

«Я всегда верил в исследовательский институт «Хунсо», это настоящий храм науки!»

«Справедливость для «Люйиньсюй» восторжествовала. Я уверен, этот препарат победит бактериальную прогеррию!»

«Мой ребёнок четыре года на «Цзякэтин». Теперь, когда у «Сухэ» проблемы, производство встало, в больницах лекарства нет, приходится в аптеках втридорога брать... Я сочувствую профессорам Ли и Гу, но без альтернативы мы заложники «Цзякэтина». Надеюсь, производство не пострадает».

«Пусть «Люйиньсюй» выйдет поскорее, иначе долго бойкотировать «Цзякэтин» будет невозможно».

«Перезапуск пройдёт быстро! Все данные сохранены, через пару месяцев уже будут результаты. К концу года дети смогут получить лекарство!»

Ли Жун не был удивлён результатом. Разжёвывая йогуртовую палочку, он заметил:

— Я знал, что у Чжу Яня нет выбора. Это пятно должно быть смыто именно в его срок. Он бы и рад спихнуть ответственность на кого-то другого, да Цзян Вэйдэ не дурак подставляться.

Чжу Янь так жаждал власти, что не захотел покидать кресло директора. Теперь же ему суждено навсегда остаться в истории человеком, который ставил личное благополучие выше истины.

Цзэнь Сяо похлопал его по спине:

— Иди. Я подожду в машине.

На этот раз Ли Жун даже не взглянул на огромный экран у входа в Институт. Он привычно поднялся по ступеням, зашёл в лифт и направился в кабинет профессора Цзэнь.

Тот, после месяца изматывающих совещаний, наконец выглядел расслабленным — всё было решено. Когда Ли Жун вошёл, профессор протирал очки. Он низко наклонил голову, и в этом жесте проступил его возраст: пальцы были уже не такими ловкими, он едва не выронил оправу. Надев очки, он посмотрел на Ли Жуну и вздохнул.

— Пришёл-таки.

В их прошлую встречу юноша был похож на затухающую свечу — бледный, хрупкий, готовый вот-вот сломаться. Сейчас же его взгляд был ясным, а лицо дышало здоровьем. Молодость восстанавливается удивительно быстро.

Ли Жун усмехнулся:

— Помнится, учитель говорил, что никто не сможет перезапустить «Люйиньской».

Цзэнь Вэйдэ на мгновение замер, переваривая его слова.

— Значит, за всей этой историей всё-таки стоял ты.

Ему до сих пор было трудно поверить, что несокрушимый гигант биотехнологической компании «Сухэ» пал под ударами этого мальчишки-первокурсника. Но, с другой стороны, Ли Жун уже не раз заставлял его сомневаться в границах возможного. Отрицать его гениальность было бессмысленно.

Ли Жун скользнул взглядом по столу профессора. Тот никогда не отличался педантичностью — бумаги лежали в творческом беспорядке. В этом он был полной противоположностью Чжан Чжаохэ, у которого всё всегда было выверено до миллиметра.

Юноша прищурился:

— Почему Институт так долго тянул? Кто мешал?

Цзэнь Вэйдэ покачал головой:

— Не ищи везде заговоры. Дело серьёзное, такие решения требуют времени. В «Хунсо» много отделов, много руководителей, и у каждого своё мнение. Нужно было прийти к консенсусу, составить отчёты для следственной группы, дождаться одобрения... Теперь, когда давление общества спало, Институт назначит лучших специалистов. Мы сделаем всё, чтобы исполнить волю твоих родителей как можно скорее.

Профессор говорил искренне, и Ли Жун не уловил фальши. Тогда он, словно невзначай, задал вопрос, который давно не давал ему покоя:

— А что именно изучал проект GT200?

Вся его связь с Цзян Вэйдэ строилась вокруг GT201, но он так и не понял смысла этих кодов. Пытаясь найти концы, он обнаружил, что другие проекты с маркировкой GT никак не связаны между собой, а о GT200 не сохранилось вообще никаких данных. Но на конвертах с рукописями его отца стояли именно эти буквы. Ли Жун был уверен: за ними кроется нечто важное для Ли Цинли и Цзян Вэйдэ.

В глазах профессора на миг отразилось замешательство, но он быстро взял себя в руки.

— С чего вдруг такой интерес? К тебе это не имеет отношения.

Ли Жун улыбнулся:

— Просто не нашёл никакой информации, вот и любопытствую.

— Хоть ты и талантлив, — ровным голосом ответил Цзян Вэйдэ, — детали закрытых проектов не разглашаются.

В его словах была логика. В научном мире полно людей вроде Ли Байшоу, которые трясутся над своими данными. Именно поэтому восстановить «Люйиньсюй» можно было, только имея на руках материалы Ли Цинли и Гу Нун. Однако Ли Жун чувствовал: за этим молчанием кроется нечто большее. Код GT скрывал какую-то фундаментальную тайну.

Для перезапуска проекта необходимо было вскрыть опечатанные архивы с материалами супругов Ли. Спустя два дня Цзи Сяочуань, захлёбываясь от восторга, позвонила Ли Жуну:

— Босс! Моего... моего куратора отправили за материалами для «Люйиньсюй»! Я умоляла его взять меня с собой, и он согласился! Я... я всё сниму для тебя!

Ли Жун довольно улыбнулся:

— Не зря я пристроил тебя в эту лабораторию.

Действительно, повезло. Группа, в которой числилась Цзи Сяочуань, была относительно свободна от текущих задач, поэтому именно им поручили первичную обработку документов. Девушка давно работала в лаборатории: она была прилежной, хваткой и удивительно быстро схватывала суть экспериментов. Несмотря на статус помощницы, она справлялась лучше многих магистрантов, и профессора её очень ценили. Когда она попросила разрешения поприсутствовать и запечатлеть этот исторический момент на видео, те, немного поколебавшись, разрешили. Студентов в такие места водить не полагалось, но правила в руках людей — вещь гибкая.

В восемь утра Цзи Сяочуань, гордо поправив бейдж на шее, шагала по длинному коридору архива следственной группы. Проход был широким и высоким, пропитанным духом суровой торжественности. Путь преграждали три контрольно-пропускных пункта: без полного пакета документов сюда было не попасть.

Направив камеру телефона вперёд, девушка прошептала в гарнитуру:

— Босс, тут так... так величественно. И охрана очень строгая.

— Фасад, не более, — отозвался Ли Жун.

Всё это величие не помешало Ли Байшоу в своё время пустить здесь корни.

— Кажется, тут всё... по категориям. Материалы профессора Ли где-то впереди.

Ли Жун старался сохранять спокойствие, но по мере того, как камера приближалась к заветной цели, его напряжение росло. Цэнь Сяо, сидевший рядом, заметил, как юноша, до этого расслабленно постукивавший пальцами по колену, теперь вцепился в него мёртвой хваткой.

В пустом коридоре гулко отдавались шаги. Белоснежные стены отражали звуки, создавая гнетущую атмосферу безмолвия. Цзи Сяочуань тоже затихла, стараясь не отставать от наставников. После нескольких поворотов они наконец остановились перед массивной металлической дверью свинцового оттенка.

Когда они уже почти коснулись двери, в коридоре внезапно погас свет. Глаза не успели адаптироваться к темноте, и на мгновение мир вокруг исчез.

— Пи-пи-пи!

Резкий, пронзительный вой сирены ударил по ушам, усиленный многократным эхом. Девушка вздрогнула и, вскрикнув, зажала уши, вплотную прижавшись спиной к холодной стене.

Профессора, явно не ожидавшие такого поворота, замерли в оцепенении.

Электричество отключилось?!

— Что происходит? Это учения? — в темноте раздались встревоженные голоса наставников, обращённые к растерянному сотруднику архива.

— Я... я не знаю, сейчас позвоню и выясню, — заикаясь, ответил тот.

Цзи Сяочуань быстро пришла в себя. Тусклого света экранов мобильных хватало, чтобы различить очертания коридора.

— Цзи Сяочуань, ты в порядке? — негромко позвал её Ли Жун.

— Да... я в норме. Просто неожиданно.

Цэнь Сяо нахмурился:

— С чего вдруг погас свет?

Девушка покачала головой, хотя понимала, что собеседники её не видят:

— Понятия не имею.

Ли Жун и Цэнь Сяо переглянулись — в их глазах читалось одно и то же подозрение. Слишком уж вовремя случилась эта авария.

Профессора начали нервничать. Ждать в темноте неизвестно чего — сомнительное удовольствие. Архивариус сделал несколько звонков, но никто не брал трубку — видимо, все были заняты устранением неполадок.

— Придётся подождать, — извиняющимся тоном произнёс он. — Без электричества дверь всё равно не открыть.

Цзи Сяочуань стояла у стены, озираясь по сторонам. Без освещения коридор казался бесконечной чёрной дырой, готовой поглотить любого. Высокий потолок терялся во тьме, и они, окружённые лишь призрачным голубоватым сиянием телефонов, казались маленькими и незащитными.

Спустя десять минут мужчине наконец удалось дозвониться до коллег. Сбросив вызов, он неловко пояснил:

— Вроде как короткое замыкание, сработали автоматы. Сейчас всё проверят и включат.

— Замыкание? И так сразу на весь сектор? — усомнился один из профессоров.

— Не знаю, раньше такого никогда не было.

Прошло ещё несколько минут. Цзи Сяочуань облизнула губы и неуверенно произнесла:

— Вам не кажется... что здесь становится теплее?

В коридоре не было окон, обычно здесь было прохладно и сухо. Но сейчас воздух вокруг неё ощутимо прогрелся. Это было едва заметно, но она всегда была чувствительна к температуре.

Сотрудник архива вдруг принялся:

— Чем это пахнет?

Вскоре запах почувствовали и остальные. В воздухе поплыл тяжёлый, едкий аромат гари и жжёного металла. Сперва едва уловимый, он с каждой секундой становился всё гуще. Профессора в замешательстве переглянулись.

Осознав неладное, мужчина попятился, судорожно сжимая телефон. Ли Жун не видел, что происходит, но по обрывкам фраз понял: дело дрянь.

— Что там?!

Горло Цзи Сяочуань перехватило. Она во все глаза смотрела на массивную свинцовую дверь и вдруг, повинаясь инстинкту, протянула к ней ладонь. Она почувствовала жар. Идущий прямо от металла.

— Босс... — прошептала она.

Она не знала, что сказать. Сотрудник архива сбивчиво докладывал ситуацию кому-то по телефону, его голос срывался и двоился в коридоре, подхваченный потоками горячего воздуха.

— Срочно людей! Срочно! Сюда!

Он выкрикнул это трижды и схватил одного из профессоров за рукав:

— Уходим! Здесь небезопасно! Сейчас придут специалисты!

На лбах учёных выступила испарина. Но стоило им сделать шаг, как от массивной двери донёсся зловещий скрежет металла. Механизм заклинило, дверь начала деформироваться.

Девушка, не отрываясь, смотрела на металлическое полотно.

— Сяочуань, бежим! — профессор потянул её за руку.

«БАМ!»

Глухой удар, словно что-то взорвалось внутри. Дверь на глазах вздулась уродливым пузырьком — металл поплыл, не выдержав чудовищного давления. А затем со скрежетом створка приоткрылась, и из щели вырвалась волна нестерпимого жара. Изувеченная огнём дверь поддалась сама!

Поток горячего воздуха отбросил чёлку девушки, она почувствовала, как лицо обдало невыносимым зноем. Она зажмурилась, отворачиваясь. А когда вновь открыла глаза и взглянула в проём, то увидела яростные всполохи пламени. Огонь, похожий на трепещущую призрачную маску, рвался наружу, наполняя коридор едким дымом.

— Пожар!

— В архиве пожар!

— Уходим, это проводка!

Трое мужчин закричали в один голос.

— Где огнетушитель?! — на фоне панических выкриков прозвучал резкий, почти отчаянный голос девушки. Мужчины на миг замерли.

Цзи Сяочуань смотрела на разгорающееся пламя, и её сердце замерло. Там, за этой дверью, в огне исчезали все материалы по «Люйиньсюй». Она не знала, как давно начался пожар и сколько документов уже превратилось в пепел. Шок и ужас сковали её, и несмотря на нарастающую жару, она чувствовала внутри ледяной холод.

«Ли Жун прошёл через столько испытаний. Он был так близок к цели. Неужели всё напрасно? Увидеть, как рушится мечта всей жизни, как пламя пожирает последнюю надежду... Как он это вынесет?»

Нельзя! Нельзя допустить, чтобы он через это прошёл! Она должна что-то сделать!

Ли Жун подарил ей надежду на новую жизнь, и теперь она обязана защитить его мечту»

— Там... у стены... в самом конце! — заикаясь, ответил сотрудник архива, даже не осознав, что она задумала.

Девушка не раздумывала. Тело само бросилось в бой.

— Цзи Сяочуань! Ты что творишь?! — голос Ли Жуна в трубке то прерывался, то тонул в треске статических помех. В архиве и так была плохая связь, а теперь интернет и вовсе перешёл в режим 2G.

Она не ответила. Прорвавшись сквозь волну жара, она кинулась к концу коридора, лихорадочно шаря руками по стене в поисках огнетушителя. Наконец пальцы нащупали холодный баллон. К счастью, в школе их учили, как с этим обращаться.

— Сяочуань, стой! Придут профессионалы! — крикнул один из наставников, пытаясь её перехватить, но жар заставил его отступить.

— Не успеют! — её голос сорвался на отчаянный крик. — Будет слишком поздно!

С глазами, полными слёз, она выдернула чеку и бросилась напрямик в пекло. Она никогда не сталкивалась с такой опасностью и не знала, чем это может закончиться. Ей казалось, что защитный слой пены уберёжёт её. У неё была лишь одна мысль: потушить огонь и спасти хотя бы крупицу надежды.

— Сяочуань, вернись немедленно! — Ли Жун почувствовал, как кровь стынет в жилах от ужаса возможной потери. Он кричал в телефон, уже выбегая к машине.

Его слова не достигли цели — видеосвязь оборвалась.

Цэнь Сяо сохранял ледяное спокойствие. Он вдавил педаль газа в пол, и машина рванула к зданию архива. Ли Жун сжимал телефон так, что побелели костяшки пальцев. Его зубы мелко дробно стучали.

— Это не случайно...

— Разумеется, — отозвался Цэнь Сяо, глядя на дорогу. — От замыкания до такого пожара должно пройти время, а здесь всё вспыхнуло мгновенно.

Губы юноши побледнели, корпус телефона больно врезался в ладонь.

— Даже при замыкании не должно было загореться. В архиве обязана быть защита от утечек!

Цэнь Сяо резко крутанул руль, входя в поворот на пределе возможностей.

— Очевидно, сперва вывели из строя систему пожаротушения, а затем подожгли сам архив. Огонь пережёт провода, и свет погас.

— Но кто?! — взгляд Ли Жуна был полон смятения. — «Сухэ» повержена, Чжэн Чжупань за решёткой.

— Чтобы попасть в архив, нужно иметь связи в следственной группе, — отчеканил Цэнь Сяо. — Успокойся. Если поддашься панике, не сможешь соображать.

— Лишь бы с ней всё было хорошо... Сяочуань... — шептал Ли Жун.

Его душил страх. Внешне он мог казаться собранным, но внутри всё дрожало. В этой жизни он впервые открыл сердце для дружбы, и ему повезло найти людей, плативших той же монетой. Постепенно они стали для него семьёй.

Он дорожил ими. Он любил их, хоть и никогда не говорил об этом вслух. Он не мог вынести мысли, что кто-то из них пострадает — тем более из-за него. Если с ней что-то случится, он... он не будет знать, как за это мстить.

Когда они добрались до архива, пожар уже потушили. Цзи Сяочуань, перепачканная сажей и пеплом, сидела в комнате отдыха, бессмысленно глядя перед собой. На руке виднелся небольшой ожог, волосы были опалены, а на раскрасневшемся от жара лице остались следы высохших слёз. К счастью, серьёзных травм не было.

Ли Жун, ворвавшийся в здание без всякого пропуска, бросился к ней и схватил за плечи. Его руки била неконтролируемая дрожь. Он не успел сказать ни слова — при виде него девушка разрыдалась в голос.

— Босс... я такая дура! Там было так много всего... я не знала, что спасать! Ничего не видела! Я не смогла потушить! Всё сгорело! Всё! Что теперь делать с материалами?!

Слёзы оставляли дорожки на её грязном лице. Кончики пальцев были в волдырях — видимо, она хваталась за горящие папки.

Услышав её громкий плач, Ли Жун наконец выдохнул. Холодный пот градом катился по спине, к бледным губам начала возвращаться краска. Он был в ярости и в отчаянии одновременно, но

от пережитого шока не мог вымолвить ни слова. Сейчас он не думал о документах — его переполняло лишь одно чувство: облегчение от того, что она жива.

Сюй Танхуэй тоже примчалась из Университета А. Получив известие, она едва не лишилась чувств. Женщина давно относилась к Цзи Сяочуань как к родной дочери, и по дороге ей казалось, что её сердце вот-вот остановится.

К счастью, всё обошлось. Сюй Танхуэй прижала девушку к себе, поглаживая по спине и тихо ворча сквозь слёзы:

— Глупая девочка... Какая же ты глупая...

Цзи Сяочуань уткнулась в её плечо, вытирая слёзы об одежду.

— Ну всё, всё, — нежно успокаивала её женщина. — Главное — ты жива. Не плачь, дочка.

Цэнь Сяо коснулся плеча Ли Жуна.

— Сюда едут Цзянь Фу и Линь Цинь. Я встречу их, чтобы они не светились — тут и так полно лишних глаз.

Ли Жун едва заметно кивнул. Видя, как тётя Хуэй успокаивает девушку, он начал приходить в себя. Тремор в руках унялся. Подойдя к кулеру, он налил стакан холодной воды и выпил его залпом. Взгляд снова стал холодным и сосредоточенным.

— Сегодня сгорели материалы моих родителей, — обратился он к одному из сотрудников архива. — Я могу осмотреть место пожара?

Тот замаялся, не зная, что ответить. Посторонним на месте происшествия делать было нечего, но в этой ситуации отказать было почти невозможно. Один из наставников, который вытаскивал девушку из дыма, вздохнул:

— Так ты Ли Жун... Вот, значит, с кем дружит Сяочуань. — Он повернулся к персоналу: — Да пусть посмотрит, хуже не будет.

Перед уходом юноша налил стакан тёплой воды и протянул Цзи Сяочуань.

— Глупая, — негромко произнёс он, качая головой. — О жизни совсем не думаешь?

— Но ведь... «Люйиньсюй» пропал! — выдохнула она в отчаянии.

Ли Жун тонко улыбнулся:

— Не волнуйся. Им меня не сломить. И уж точно им меня не победить.

Цзи Сяочуань растерянно подняла на него взгляд. В глазах юноши не было ни капли отчаяния или уныния. Напротив, в них горела холодная, несокрушимая воля. Он был их опорой, их незыблемым стержнем.

И она поверила ему. Раз Ли Жун сказал, значит, так и будет.

Стоило Ли Жуну выйти из комнаты отдыха, как Цэнь Сяо притянул его к себе и крепко обнял, успокаивающе погладив по волосам. Юноша не сопротивлялся. Он прижался к нему, уткнувшись подбородком в плечо, и позволил всем своим скрытым чувствам перетечь к любимому человеку. Перед командой он должен был оставаться сильным, но здесь он мог позволить себе слабость.

Цэнь Сяо было плевать на окружающих. Он поддерживал Ли Жуна, шепча ему на самое ухо:

— Есть кое-что, чего я тебе ещё не сказал. Результаты GT201, которые ты так и не успел увидеть... Проект был успешным. Малыш, ты гений. Твоя первая фаза испытаний прошла безупречно.

Цэнь Сяо когда-то обещал: «Ты можешь позволить себе упасть духом, а затем прийти ко мне за теплом». И он сдержал своё слово.

Ли Жун вцепился в его одежду. В его глазах, всё ещё влажных от пережитого, вспыхнул яркий, триумфальный свет. Он знал, что всегда найдёт здесь и силу, и утешение.

Его опора, его свет, его тихая гавань. Его любовь.

<http://bllate.org/book/15351/1573108>